

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
Институт философии Российской академии наук

**Торохова Юлия Сергеевна**

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД  
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ НАУЧНО-КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ

**«Права человека и групповые права: универсальный и контекстуальный  
аспекты»**

по направлению 41.06.01 Политические науки и регионоведение,  
направленности (профилю) 23.00.01 «Теория и философия политики, история  
и методология политической науки»

Научный руководитель  
д.полит.н., гл.н.с. Института философии РАН  
**Федорова Мария Михайловна**

Рецензенты:  
д.полит.н., в.н.с. Института философии РАН **И.И. Мюрберг**  
к.полит.н., и.о. зам. декана факультета политологии ГАУГН **М.И. Суханова**

Дата защиты:

« \_\_\_\_ » \_\_\_\_\_ 20\_\_ г.

Оценка: \_\_\_\_\_

Протокол ГЭК № \_\_\_\_ от \_\_\_\_\_ 20\_\_ г.

Москва, 2017

## Содержание

Введение .....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ЕЁ КРИТИКА .....	15
ГЛАВА 2. ГРУППОВЫЕ ПРАВА КАК ВЫЗОВ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА.....	22
ГЛАВА 3. КОНЕПЦИИ ГРУППОВЫХ ПРАВ.....	28
Заключение .....	33
Список использованных источников .....	38

## **Введение**

**Актуальность темы исследования.** На протяжении большей части XX-го столетия политическая философия воспринимала предположение о том, что группы могут обладать правами с определённой долей скептицизма. Однако в последние годы отношение к этой гипотезе изменилось. Частично оживление в дискуссии о групповых правах было обусловлено признанием того, что некоторые права, такие как право национального самоопределения или право на другие формы коллективной автономии, не могут быть полноценно защищены в рамках комплекса индивидуальных прав. Также такое положение дел может быть связано с опасениями в отношении судьбы этнических и культурных меньшинств. В частности, с сомнениями относительно того, можно ли адекватно обеспечить защиту и уважение этих меньшинств путем простого приписывания прав их членам по отдельности. Если группа имеет особый образ жизни, и если этот образ жизни принимает коллективную форму, возможно, наше признание этого образа жизни должно быть направлено на группу как таковую, а не на её членов по отдельности.

В политической жизни права обычно утверждаются в отношении вопросов, которые имеют фундаментальное значение. Тем не менее, в некоторых принципиально важных ситуациях, связанных с идентичностями или практиками, люди могут участвовать только в ассоциации с другими людьми. Следовательно, утверждение, что люди могут иметь права только на блага, которыми они могут наслаждаться индивидуально, и никогда на блага, которыми могут пользоваться коллективно, может показаться неубедительным.

В настоящее время лишь немногие государства являются однородными в культурном плане. Вследствие этого мультикультурная напряженность стала главным источником политических столкновений и насилия в мире. Следовательно, дискуссия о групповых правах в основном

связана не с тем, является ли разнообразие само по себе положительным или отрицательным явлением. В большей степени она сосредоточена на нормативных условиях социальной справедливости и демократии в контексте этнокультурного разнообразия. Учитывая значительные передвижения индивидов, взаимодействие между народами, вызванные массовыми миграциями и процессом глобализации, разнообразие рассматривается как социальный факт. Общая тенденция, лежащая в основе большинства притязаний этнокультурных меньшинств в поликультурных государствах, состоит в том, что идентичность и культурное членство является морально значимыми факторами, которые должны быть признаны и защищены с помощью конкретных групповых прав.

Критики теории групповых прав считают, что последние растворяются в индивидуальных правах<sup>1</sup>. С этой точки зрения, конституционные права и свободы в их нынешнем виде, обеспечивают рамки, которые являются достаточно гибкими, чтобы обеспечить мирное сосуществование различных групп в демократических обществах. К тому же, институт прав подразумевает то, что «только индивиды могут принимать решения, могут буквально иметь ценности, буквально участвовать в рассуждении и обдумывании»<sup>2</sup>. Права и обязанности, вследствие этого могут относиться только к реальным лицам: «У фиктивных лиц нет никаких прав»<sup>3</sup>. К тому же, группы не существуют отдельно от своих членов, и, когда мы приписываем права группам как таковым, мы игнорируем эту простую истину<sup>4</sup>. Считается, что либеральная доктрина терпимости в сочетании с принципом нейтралитета государства

---

<sup>1</sup> Напр.: Griffin James. *On Human Rights*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 256–276.

<sup>2</sup> Narveson J. *Collective rights?* // *Canadian Journal of Law & Jurisprudence*. Vol. 4. 1991. № 2. P. 334.

<sup>3</sup> Graff J. A. *Human rights, peoples, and the right to self-determination* // *Group Rights* / Ed. by J. Baker. University of Toronto Press, 1994. P. 194.

<sup>4</sup> Narveson J. *Collective rights?* // *Canadian Journal of Law & Jurisprudence*. Vol. 4. 1991. № 2. P. 331–335.

предлагает надлежащую основу для решения проблемы разнообразия и обеспечения учета культурных меньшинств.

С другой стороны, критики либеральной теории прав человека считают, что данная теория, не уделяет достаточного внимания таким явлениям, как мультикультурализм<sup>5</sup> и национализм. Таким образом, нивелируется то, как принадлежность к группам идентичности влияет на индивидуальную автономию и равенство. Сторонники теории групповых прав обычно подчеркивают ограниченность либерально–демократических систем и существующие виды гражданских и политических прав в достижении реального равенства между группами. В свою очередь групповые права рассматриваются как инструмент, легитимирующий широкий спектр требований, предъявляемых меньшинствами в государствах с высоким уровнем культурного плюрализма.

Тем не менее, по-прежнему существует значительная неопределенность в отношении того, что подразумевается под «групповыми правами». Вследствие этого, дискуссии, посвящённые групповым правам, вращаются вокруг проблемы обоснования. А именно, могут ли существовать подобные права, и должны ли группы быть признаны новым типом правообладателя, который отличается от всех существующих, а также, какие существуют возможные негативные последствия приписывания прав группам.

По этой причине требуется переосмысление методологического инструментария и теоретического аппарата, направленное на исследование групповых прав.

Прежде всего, это касается центрального понятия групповых прав. Для обозначения этих прав не существует общепринятой терминологии. В дополнение к выражению «групповые права» некоторые авторы ссылаются

---

<sup>5</sup> См.: Kymlicka W. Liberalism, community, and culture. Oxford: Oxford University Press, 1991. P. 280.

на «коллективные права<sup>6</sup>», на «права сообщества<sup>7</sup>» или даже на «культурные права<sup>8</sup>». В данной работе выражения «коллективные права» и «групповые права» используются равнозначно по чисто прагматическим соображениям, поскольку эти два термина наиболее широко используются в соответствующей литературе.

### **Объект и предмет исследования**

**Объектом** диссертационного исследования являются групповые права в политико–правовом контексте прав человека. **Предметом** – ключевые категории и дискуссионные проблемы, связанные с актуализацией понятия групповых прав в современном политико–правовом дискурсе.

### **Степень разработанности проблемы**

В современном мире остаётся актуальной проблема эффективной реализации государственной политики в отношении прав и свобод. Теория прав человека в течение продолжительного играет значительную роль в политической теории. Вместе с тем, любая теория на пути своего развития сталкивается с различными проблемами и противоречиями, которые бросают вызов логичности и обоснованности тех или иных положений. Анализ и критике индивидуальных прав человека в целом или отдельным

---

<sup>6</sup> Tamir Y. Against Collective Rights // *Multicultural Questions* / Ed. by C. Joppke and S. Lukes. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 158–180; Sanders D. Collective rights // *Human Rights Quarterly* Vol. 13. 1991. P. 368; Hartney M. Some confusions concerning collective rights // *The Canadian Journal of Law and Jurisprudence*. Vol. 4. 1991. No 02. P. 293–314; Green L. Two views of collective rights // *The Canadian Journal of Law and Jurisprudence*. Vol. 4. 1991. No. 02. P. 315–327.

<sup>7</sup> Larson A. M. Forests for people: Community rights and forest tenure reform. Earthscan, 2010. P. 264.

<sup>8</sup> Kukathas C. Are there any cultural rights? // *Political theory*. Vol. 20. 1992. No. 1. P. 105–139; Hale C. R. Does multiculturalism menace? Governance, cultural rights and the politics of identity in Guatemala // *Journal of Latin American Studies*. Vol. 34. 2002. No. 03. P. 485–524; Roth K. Defending economic, social and cultural rights: Practical issues faced by an international human rights organization // *Human Rights Quarterly*. Vol. 26. 2004. No. 1. P. 63–73.

аспектам проблемы посвящены труды: А де Бенуа<sup>9</sup>, Дж. Уолдрона<sup>10</sup>, А. Кента<sup>11</sup>.

Одним из основных направлений критики концепции прав человека является коммунитаристская. Сторонники последней в основном обвиняют теорию прав человека в оторванности от сообщества, в котором проживает носитель подобных прав. А эта ситуация, в свою очередь, приводит к неспособности понять глубинные основания явления и эффективной реализации защиты прав. Критика прав человека со стороны теоретиков коммунитаризма освещается в работах М. Сэндела<sup>12</sup>, А. Макинтайра<sup>13</sup>, Ч. Тейлора<sup>14</sup>, К. Брауна<sup>15</sup>, Н. Уолкера<sup>16</sup>, Р. Мартина<sup>17</sup>.

Концепция прав человека основывается на полном принятии идеи равенства индивидов. Вместе с тем, существует ряд исследований, которые показывают, что не всегда исключительное признание равенства является залогом эффективной защитой прав человека. А в некоторые случаи принцип равенства даже совершенно наоборот может привести к дискриминации. Проблема ценности и объективности либерального равенства освещена в работах Б. Пареха<sup>18</sup>, Б. Барри<sup>19</sup>, А.М. Янг<sup>20</sup>.

---

<sup>9</sup> Бенуа А. По ту сторону прав человека. В защиту свобод. М.: НОН, 2015. С. 144.

<sup>10</sup> Waldron J. Nonsense Upon Stilts (Routledge Revivals): Bentham, Burke and Marx on the Rights of Man. Routledge, 1987. P. 246.

<sup>11</sup> Kent A. 1999. China, the United Nations and Human Rights: The Limits of Compliance. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1999. P. 336.

<sup>12</sup> Michael J. Sandel, Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 231.

<sup>13</sup> MacIntyre A. After Virtue: A Study in Moral Theory. Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 1984. P. 352.

<sup>14</sup> Taylor Ch. Atomism // Philosophy and the Human Sciences: Philosophical Papers. Vol. 2. 1985. P. 187–211.

<sup>15</sup> Brown C. Human rights and human nature // Human Rights: The Hard Questions, 2013. P. 23–38.

<sup>16</sup> Walker N. Universalism and particularism in human rights // Human Rights: The Hard Questions, 2013. P. 399–417.

<sup>17</sup> Martin R. Are human rights universal // HUMAN rights: the hard questions. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 59–75.

<sup>18</sup> Parekh B. Contemporary liberal responses to diversity // Debates in contemporary political philosophy: An anthology / Ed. by D. Matravers, J. Pike. Routledge, 2003. P. 239–248.

Потенциальным носителем групповых прав является культурное меньшинство. Ф. Капоторти<sup>21</sup> в своём доклад на ассамблее ООН впервые дал официальное определение понятию культурного меньшинства. Концепция культурных меньшинств анализируется в произведениях, О. Фисс<sup>22</sup>, С. Бенхабиб<sup>23</sup>, К. Джопке и С. Лукес<sup>24</sup>.

Концепция трёх поколений прав была впервые описана К.Ваксаком в 70-х годах XX в. В ней, наряду с личными и политическими правами первого поколения и социально-экономическими и культурными правами второго поколения, третье поколение прав представляло собой коллективные права. Каждое поколение прав возникало как ответы на вызовы современности. С течением времени понятие коллективных прав стало всё чаще употребляться в политической литературе. Концепция групповых прав получила признание и своё развитие в книгах Дж. Раца<sup>25</sup>, Б. Пареха<sup>26</sup>, Б. Барри<sup>27</sup>, М. Джовановича<sup>28</sup>. А также статьях Ч. Кукатаса<sup>29</sup>, А. Рентелн<sup>30</sup>, П. Джонса<sup>31</sup>. Существуют различные классификации

---

<sup>19</sup> Barry B. Theories of group rights // *Debates in contemporary political philosophy: An anthology* / Ed. by D. Matravers, J. Pike. Routledge, 2003. P. 248–265.

<sup>20</sup> Young I.M. Polity and group difference: a critique of the ideal of universal citizenship // *Debates in contemporary political philosophy: An anthology* / Ed. by D. Matravers, J. Pike. Routledge, 2003. P. 219–239.

<sup>21</sup> Капоторти Ф. Исследование по вопросу о правах лиц, принадлежащих к этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Нью-Йорк: ООН. 1979. С. 109–110.

<sup>22</sup> Fiss O. M. Groups and the equal protection clause // *Philosophy & Public Affairs*. Vol. 5. 1976. No. 2. P. 107–177.

<sup>23</sup> Бенхабиб, С. Притязание культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру : пер. с англ. / под ред. В. И. Иноземцева. М.: Логос, 2003.

<sup>24</sup> Christian J., Steven L. Introduction: Multicultural Questions // *Multicultural Questions* / Ed. by C. Joppke and S. Lukes. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 1–24.

<sup>25</sup> Raz J. *The morality of freedom*. Oxford: Clarendon Press, 1986.

<sup>26</sup> Parekh B. *Rethinking multiculturalism: Cultural diversity and political theory* // *Ethnicities*. Vol. 1. 2001. No.1. P. 109–115.

<sup>27</sup> Barry B. *Culture and Equality: An Egalitarian Critique of Multiculturalism*. Harvard: Harvard University Press, 2002. P. 399.

<sup>28</sup> Jovanović M. A. *Collective rights: a legal theory*// Cambridge University Press, 2012. P. 230.

<sup>29</sup> Kukathas C. Are there any cultural rights? // *Political theory*. T. 20. 1992. No. 1. P. 105–139.

<sup>30</sup> Renteln A. D. *Relativism and the search for human rights* // *American Anthropologist*. Vol. 90. 1988. No. 1. P. 56–72.



коллективных прав человека, которые были даны, например, Н. Лермером<sup>32</sup>, Я. Леви<sup>33</sup>, и У. Кимлика.

Отдельно хотелось бы осветить работы У. Кимлика, поскольку его работы оказывают значительное влияние на развитие дискуссии о групповых правах. Например, «Мультикультурное гражданство», где автор попытался представить контуры либеральной теории прав меньшинств<sup>34</sup> или «Политика на местном языке»,<sup>35</sup> анализирующая права и статус этнокультурных групп в западных демократиях, а также ряд иных произведений<sup>363738</sup>.

Безусловно, теория групповых прав также несет в себе некоторые противоречивые аспекты. Например, в А.Эйзенберг в своей работе «Меньшинства внутри меньшинств»<sup>39</sup> поднимает проблему потенциальной угрозы дискриминации меньшинств внутри культурных меньшинств. В особенности эти опасения относятся к правам женщин и детей. Различным проблемным аспектам концепции групповых прав посвящены работы как отдельных авторов, например, Э. Митника<sup>40</sup>, так и сборники статей, например, под редакцией Дж. Бейкер<sup>41</sup>, К. Харви<sup>42</sup>, и У. Кимлика<sup>43</sup>.

---

<sup>31</sup> Jones P. 5 Groups and human rights // Human rights: the hard questions / Ed. by C. Holder, D. Reidy. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 100–115.

<sup>32</sup>

<sup>33</sup> Levy J. T. Classifying Cultural Rights // Ethnicity and Group Rights, Nomos XXXIX / Ed. by W. Kymlicka and I. Shapiro. New York: New York University Press, 1997. P. 22–66.

<sup>34</sup> Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights // Oxford: Oxford University Press, 1995.

<sup>35</sup> Kymlicka W. Nationalism, Multiculturalism and Citizenship // Oxford: Oxford University Press, 2001.

<sup>36</sup> Kymlicka W. Liberalism, Community and Culture // Clarendon Press, 1991.

<sup>37</sup> Kymlicka W. States, nations and cultures // Uitgeverij Van Gorcum, 1997.

<sup>38</sup> Kymlicka W. Shapiro I. Introduction // Ethnicity and Group Rights / Ed. by W. Kymlicka and I. Shapiro. New York: New York University Press, 1997.

<sup>39</sup>

<sup>40</sup> Mitnick E. J. Rights, groups, and self-invention: group-differentiated rights in liberal theory // Ashgate Publishing, 2013.

<sup>41</sup> Baker J. Group rights // Toronto: University of Toronto Press, 1994.

<sup>42</sup> Harvey C. Human rights in the community: Rights as agents for change // London: Bloomsbury Publishing, 2005.

В отечественной научной литературе данная проблематика в политологическом плане мало освещена и представлена в основном статьями. Д.В. Дубровского<sup>44</sup>, например, в своём исследовании анализирует взаимоотношение индивидуальных и коллективных прав человека. С.И. Глушкова<sup>45</sup> в своих работах рассматривает развитие концепции прав человека, а также наряду с традиционной концепции трёх поколений прав анализирует разнообразные новые пути развития. В иных произведениях, например, В.А. Федосенко<sup>46</sup>, Н.С. Катько<sup>47</sup>, М.Б. Напсо<sup>48</sup>, проблема групповых прав раскрывается в контексте юридических наук.

### **Цель и задачи исследования**

**Цель исследования** состоит в выявлении оснований для признания групповых прав в качестве необходимого элемента политической системы современного развитого государства и предложении потенциальных решений отдельных проблемных аспектов теории групповых прав.

Достижение указанной цели потребовало решения следующих **задач**:

- проанализировать историю развития теории прав человека и возникновения противоречий в контексте данной теории;
- проследить генезис возникновения теории групповых прав и их классификации;

---

<sup>43</sup> Kymlicka W. The rights of minority cultures // Oxford: Oxford University Press, 1995.

<sup>44</sup> Дубровский Д. В. Индивидуальные и коллективные права: противоречия практики // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире // СПб.: Норма. 2005. С. 20-27.

<sup>45</sup> Глушкова С. И. Индивидуальные, групповые, коллективные и всеобщие права в условиях мультикультурализма // Полис. 2010. № 6. С. 131-140.

<sup>46</sup> Федосенко В.А. Коллективные права: понятие, сущность, правовая природа, содержание и перспективы развития // Гражданское Право. 2004. № 2. С. 6-7.

<sup>47</sup> Катько Н.С. Коллективные права меньшинств // Белорусский журнал международного права и международных отношений, 2003. № 4. С. 3-7.

<sup>48</sup> Напсо М.Б. Права народов и права человека: к вопросу о правомерности конституционного закрепления коллективных и индивидуальных этнических прав // Конституционное и муниципальное право, 2009. № 10. С. 10-12.

- осветить ценность и необходимость создания института групповых прав на основании различных теорий групповых прав.

### **Теоретические основания исследования**

Первостепенную роль в проведении исследования сыграли труды зарубежных авторов, посвящённые анализу различных проблемных аспектов теории прав человека и концепции групповых прав.

Основное значение имели:

– теория нового «общественного договора» и особого «естественного состояния» Дж. Ролза как попытка решения назревших проблем либерализма. В контексте настоящего исследования оно имеет значение как дающее толчок к развитию дискуссий в отношении значения сообщества и ценности взаимосвязи отдельного индивида с ним. Дебаты в этом направлении оказали значительное влияние на формирование концепции групповых прав.

– различные аспекты исследований У. Кимлика во многом определяют современный взгляд на проблему групповых прав в мировом сообществе. Соответственно настоящее исследование в значительной степени отталкивается от положений и анализирует идеи высказанные У.Кимликой.

– проблема морального агенства А. Макинтайра и концепция самоинтерпретации Ч. Тейлора позволила проанализировать проблему крайнего либерализма в рамках коммунитаристской критики и способствовала оправдания закономерности появления концепции групповых прав.

– работы А.М.Янг и Б.Барри сделали возможным раскрытие потенциальной угрозы принципа равного гражданства и поиски путей её решения.

– классификации групповых прав У. Кимлика, Н. Лермера и Я. Леви позволили показать многообразие подходов к классификации и осмыслению понятия и видов групповых прав.

#### **Методологическая основа исследования.**

С помощью исторического метода исследуются зарождение и развитие понятия групповых прав в хронологической последовательности с целью выявления степени влияния и противоречий, связанных с концепцией коллективных прав. Теоретический анализ позволяет рассмотреть конституирующие признаки групповых прав в их взаимосвязи с другими политическими концептами. Также были использованы междисциплинарный подход, который позволил углубить рассмотрение проблемы за счёт анализа юридических и культурологических аспектов исследований различных авторов.

#### **Научная новизна исследования заключается в следующем:**

– предпринята одна из первых попыток в отечественной политологической науке системного анализа групповых прав культурных меньшинств в контексте либерального государства;

– были критически переосмыслены позиции ряда зарубежных авторов, политологов и философов, посвященные проблематике исследования.

#### **Теоретические положения, выносимые на защиту:**

1. Противоречия, возникшие в рамках теории прав человека, привели к неспособности данной концепции убедительно ответить на все вызовы современности. Именно в чрезмерной индивидуализированности современных прав человека видится основное теоретическое противоречие. Оторванность индивида от социального контекста признаётся как играющая заметную роль в эскалации многих этнокультурных конфликтов. В связи с чем, теория прав человека не позволяет полноценно защитить права и интересы групп.

2. В условиях мультикультурного государства назрела необходимость в наделении этно–культурных групп дифференцированными правами. Принцип либерального равенства и феномен универсального гражданства, в свою очередь, не всегда позволяют защитить интересы и позиции меньшинств. В некоторых случаях полноценная реализация теоретически положительного и выгодного для индивида принципа либерального равенства наоборот может обернуться причиной дискриминации. Поэтому, именно введение подобных прав позволит повысить эффективность защиты интересов меньшинств.
3. Значительная степень проявляемого интереса мировым научным сообществом и теоретической разработанности проблематики групповых прав, позволяют утверждать, что данный вопрос отличается актуальностью для функционирования современного государства. И результаты политических дискуссий и теоретических исследований, несомненно, будут иметь важное значение для России, как многонационального и многокультурного государства.

#### **Апробация результатов исследования**

Различные аспекты и выводы исследования представлялись автором в виде выступлений на конференциях: LVI Международная научно–практическая конференция «Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии (2016), XV Международная научно–практическая конференция «Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия» (2016), I международная научно–практическая конференция «Социально–экономические науки и гуманитарные исследования»(2016).

Результаты исследования представлены в виде публикаций в журналах, входящих в перечень ВАК:

1. Торохова Ю.С. Анализ эффективности «политики признания» Ч. Тейлора как возможной стратегии для решения современных этнокультурных конфликтов // Социодинамика. 2017. № 3. С. 118–124.
2. Торохова Ю.С. Групповые права культурных меньшинств как базовые права в контексте либерализма в работах У. Кимлика // Социодинамика. 2017. № 1. С. 27–33.
3. Торохова Ю.С. Поиск нового подхода к решению конфликта групповых прав и прав меньшинств внутри меньшинств // Политика и общество. 2017. № 4. С. 89–95.

и других научных изданиях:

4. Торохова Ю.С. Гражданское неповиновение как стратегия борьбы за права: преимущества и угрозы // Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам I междунар. науч.-практ. конф. № 1(1). М.: МЦНО, 2016. С. 37–45.
5. Торохова Ю.С. Право на самоопределение этнических меньшинств: угроза государственной целостности или основа благосостояния государства // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории: сб. ст. по материалам LVI Международной научно-практической конференции «Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории». № 11(51). М.: Интернаука, 2016. С. 71–76.
6. Торохова Ю.С. Реализация защиты прав этнических меньшинств в контексте теории групповых прав // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования: сборник материалов XV Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск: ЦРНС, 2016. С. 179–184.

## ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ЕЁ КРИТИКА

**В первом параграфе первой главы «Генезис классической теории прав человека»** представлены основные этапы становления данной теории.

Проблема прав человека ставилась различными философами во многих странах. Древние греки были создателями западной философской традиции и, следовательно, традиции прав человека. Софисты отрицали действительность традиционной, божественной морали. Но они также отрицали, что существует такая вещь, как абсолютное право. Первым греческим философом, который высказался против этого морального релятивизма, был Сократ. Он утверждал, что существуют общечеловеческие ценности. В этих ценностях можно найти моральные правила, которым должны следовать все люди. Платон развил эту идею, дав сложный ответ на вопрос, почему человек должен делать добро. Стоики утверждали, что природа обеспечивает наилучшее руководство для поведения людей. Поскольку природа дала всем людям разум, все люди должны осознать, что все они братья и относиться друг к другу с уважением. Рабовладелец и раб равны в глазах стоиков. Эта идея о том, что все человечество имеет одни и те же права, является началом современных теорий прав человека.

Один из ключевых философских трактатов в истории прав человека появился через год после принятия парламентом Великобритании Билля о правах. В 1690 году английский философ и политик Джон Локк опубликовал «Два трактата о правлении», в котором он наряду с другими идеями развивал теорию прав человека, основанную на естественном праве. В новой традиции понимания прав человека радикально отличное от античного и средневекового. Человек, который прежде считался подданным, становился гражданином и наделялся формальным равенством. Права, которыми

наделялся человек, способствовали максимальному развитию и защите личности.

До середины XX-го века не существовало документа, который бы закреплял права человека на всемирном уровне. Перед провозглашением в 1948 году Всеобщей декларации прав человека было решено создать международный кабинет и провести опрос «моральных авторитетов» того времени с целью выяснения философских оснований для подобного документа. Однако непримиримые противоречия между мнениями опрошенных специалистов не позволили этой попытке увенчаться успехом. Исходя из этого, права человека основываются на мнении и, следовательно, значимы лишь настолько насколько люди придают им значение. Вследствие этого, концепция прав человека становится уязвимой для критики.

Наиболее широко обсуждаемая проблема, связанная с теорией прав человека - это крайняя степень индивидуализма этой теории. Индивидуализм прав человека возникает непосредственно из двух метафор, которые доминировали в политической мысли XVIII века, а именно идея «естественного состояния» и «общественного договора». Чтобы лучше понять теорию прав человека необходимо проанализировать эти идеи.

**Второй параграф первой главы «Роль ‘естественного состояния’ и ‘общественного договора’ в концепции прав человека»** посвящен анализу идеи общественного договора, лежащей в основе современных правовых теорий справедливости. Как явно, так и неявно, договорные теории предполагают, что люди рациональны в своем стремлении к реализации личных интересов, а также автономны. В этом смысле договорные теории очень индивидуалистичны и связаны с правами отдельного человека.

Индивидуализм, присущий теории общественного договора, исторически использовался для усиления аргументов в пользу возвышения прав личности и ограничения полномочий правительства. Это стремление исходит из того, что в соответствии с договором, вся политическая власть



возникает из идеи независимости индивида. Теория общественного договора исходит из индивида абстрагирования от общества, а затем вновь собирает общество с теми же людьми, которые по определению являются асоциальными абстракциями. Как получается, что абстрактные и асоциальные люди создают реальное?

Неявная мысль в теории общественного договора - это взгляд на общество, который можно назвать «социальным атомизмом». Это означает, что можно понять общество, исследуя его составные части. Контрактивистские теории берут личные интересы в качестве отправной точки и полагают, что общество есть не что иное, как сумма интересов таких лиц. Такой взгляд, безусловно, полезен в научных исследованиях, допустим, в области химии или физики. Но насколько полезной является такая модель в понимании общества? Кажется необходимым допустить возможность того, что социальный атомизм может быть не лучшим и не единственным способом понять человеческое общество.

Договорные теории содержат в себе идею того, человек имеет природу и что эта природа познаваема. Теоретики общественного договора предлагают радикальную критику и отказ от старого понимания природы и его моральных и политических последствий. Люди соглашаются соблюдать правила гражданского общества не потому, что, как ошибочно считали Платон и Аристотель, человеческая природа такова, что только в полисе она может быть полностью реализована, но потому что мы естественно независимы, рациональны и автономны и вступили в общественный договор только при условии, что, сделав это, мы можем лучше реализовать свои собственные цели. Но, возможно, настало время поставить вопрос о том, не слишком ли поспешен отказ от связей с конкретным сообществом?

Насколько бы концепция рационального, универсального морального агента не казалась само собой разумеющейся, важно понять, что существуют и другие точки зрения. Подход универсализма подразумевает, что

справедливость обеспечивается только ценой принятия морального агента, который слишком далек от общества. Таким образом, индивид достигает беспристрастной точки зрения через отрицания человеческого контекста. Но пока справедливость должна опираться на трансцендентальный субъект, остается постоянная опасность того, что принципы справедливости перейдут в произвол.

**В третьем параграфе первой главы «Джона Ролз: новая концепция общественного договора»** рассматриваются попытка американского политического философа найти современное решение проблемы выбора принципов справедливости, которые не являются ни произвольными, ни заданными традициями.

Двойственность человеческой природы и общественный договор не только бросают вызов традиционным представлениям о политической власти, но и открывают новое понимание отношений между человеком и обществом. Контрактивистские теории придают решающее значение индивидууму. Общество, в свою очередь, это собрание людей и государство существует только для защиты их прав. Социальные институты и общественные организации в либеральных обществах рассматриваются как справедливые или несправедливые в той мере, в какой они способствуют или подрывают благо отдельного человека.

Сосредоточенность либерализма на отдельном индивиде и его интересах – фундаментальное положение теории. Однако речь идет о том, как либерализм понимает самого человека, чью пользу эта теория стремится продвигать. В современной либеральной теории вызывает трудность для понимания не столько его исключительная забота о личности, сколько то, что он не учитывает многое из того, что ценно для человека.

Именно в работах Джона Ролза деонтологическая этика, возможно, выражена наиболее полно. Многие вещи можно рассматривать как справедливые или несправедливые. Не только законы, институты и

социальные системы, но и особые действия, в том числе решения и суждения, а также самих людей<sup>49</sup>. Однако для Дж. Ролза основным субъектом правосудия является базовая структура общества, потому что она имеет определяющее значение для последующего развития общества в целом. Справедливость, таким образом, является не вопросом продвижения определенной концепции блага и не связана с добродетелями, природа которых дана в этических предписаниях. Справедливость является тщательным распределением социальных преимуществ.

Основная идея теории Дж. Ролза заключается в том, что принципы справедливости являются предметом соглашения: «Таким образом, мы должны вообразить, что те, кто занят в социальной кооперации, вместе выбирают, в одном совместном действии, принципы, которые расписывают основные права и обязанности и определяют разделение социальных преимуществ»<sup>50</sup>. Эти принципы должны регулировать все остальные соглашения; они специфицируют виды социальной кооперации, которые могут возникнуть, и формы правления, которые могут быть установлены»<sup>51</sup>.

Концепция Ролза может быть подвергнута критике с тех позиций, что выдвигая свои принципы, Дж. Ролз полагается на очень узкое и специализированное видение того, что представляет собой рациональное решение. Как и в случае с индивидуалистическими предположениями других теоретиков договора, разум рассматривается в первую очередь как расчет собственных интересов: «концепция рациональности должна быть интерпретирована, насколько это возможно, в более в узком смысле, принятом

---

<sup>49</sup> Ролз Д. Теория справедливости // Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. С. 19.

<sup>50</sup> Там же. С. 26.

<sup>51</sup> Там же.

в экономических теориях, как нахождение наиболее эффективного средства для достижения определенных целей»<sup>52</sup>.

**В четвертом параграфе первой главы «Аласдер Макинтайр: проблема морального агентства»** рассматриваются взгляды американского политического философа и этика на моральное агентство, как возникающее только в рамках общих ценностей и общего понимания сообщества. По мнению А. Макинтайра индивидуализм Дж. Ролза гарантирует, что его теория неспособна достичь рационального обоснования и, соответственно, неспособна сформировать суть политического консенсуса. Исходное положение Дж. Ролза – это попытка выработать правила совместного проживания без ссылки на какую-либо определенную или единую концепцию блага. Для А. Макинтайра именно «повествовательное единство жизни», телос, подчинение наших целей всеобщему благу придает смысл отдельным жизням.

Центральной позицией для неоаристематизма А. Макинтайра является отказ от этого раскола. Она основана на идее, что только на политической арене может произойти осуществление достойной жизни для людей, и только в тех культурных и исторически специфических традициях человек может развиваться и преследовать благо.

По мнению А. Макинтайра, различие либерализма общественной и частной моралью является бессвязным. Люди не являются «необремененными» или «антагонистически индивидуализированными». И они не являются рациональными калькуляторами, собранными под «завесой неведения» для формулирования правил совместного проживания. Напротив, все люди рождаются в особой исторической социальной среде, воспитываются в определенных традициях и участвуют в определенных практиках. И именно общественное понимание, участвующее в таких

---

<sup>52</sup> Ролз Д. Теория справедливости // Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. С. 28.

общественных традициях, а не какой-то вечный, антиисторический и универсалистский способ рассуждения, обеспечивает как «повествовательное единство нашей жизни», телос, к которому мы стремимся, так и придает морали объективную и рациональную природу.

**В пятом параграфе первой главы «Чарльз Тейлор: концепция самоинтерпретации»** анализируется тезис Тейлора о том, что современная либеральная моральная теория ошибается в установлении радикального разделения между индивидом и его благом. Что имеет первостепенное значение для Ч. Тейлора, так это то, что человек развивается в свете видения и представлений других людей в конкретном историческом сообществе. Любые изменения в мышлении происходят в рамках общего языка, и их значение можно понять только в отношении определенной традиции: «... стремление к оригинальному видению ... В конечном счете, будут потеряны во внутренней путанице, если это не может быть каким-то образом связано с языком и видением других<sup>53</sup>». Видение Ч. Тейлора людей как самоинтерпретирующих животных обязывает его придерживаться мнения о том, что членство в определенном историческом сообществе – это не просто условный факт. Ч. Тейлор начинает с того, что утверждает, что люди являются «самоинтерпретирующими» животными и что их самоинтерпретации зависят от языка. Поскольку язык является социальным явлением, мы все зависим от тех «сетей коммуникации», которые типичны для сообщества говорящих на языке. Поэтому сообщество является предварительным структурным условием человеческого агентства, в том числе, конечно, моральным. Следовательно, любая адекватная концепция морали должна приобретаться, устанавливаться и поддерживаться внутри сообщества.

Более того, моральные концепции определяются рамками, которые сами по себе тесно связаны с определяющим сообществом. Мораль, по словам

---

<sup>53</sup> Taylor C. Sources of the self: The making of the modern identity // Harvard University Press, 1989. P. 37.

Ч. Тейлора, может возникнуть только в связи языка и видения других, что, в свою очередь, тесно связано с языком определяющего, исторического сообщества.

Ч. Тейлор не отвергает либерализм, но находит много ценного, особенно его настойчивость в отстаивании ценности и достоинства личности. Для Ч. Тейлора проблемы в деонтологической либеральной теории возникают не столько из ценностей, которые она пропагандирует: свободы, равенства, автономии и т. д., которые Ч. Тейлор поддерживает. Проблемы скорее возникают из-за неспособности либерализма сформулировать глубокие нравственные основания. Это то, что Ч. Тейлор называет «прагматическим противоречием» в основе либеральной теории.

Следствие этого, современная тенденция либеральных обществ рассматривать свои институты и ценности как чисто инструментальные средства, с помощью которых люди защищают себя от других, приводит к потере социальной сплоченности. Даже индивидуальная политическая традиция, такая как либерализм, которая уделяет большое внимание достоинству и свободе каждого человека, также должна взять на себя определенные общественные ценности. Как минимум, индивидуалистическая социальная этика должна быть направлена на поддержание тех общинных структур и институтов, которые сами позволяют процветать индивидуалистической этике.

## **ГЛАВА 2. ГРУППОВЫЕ ПРАВА КАК ВЫЗОВ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА**

**В первом параграфе второй главы «Генезис групп как претендентов на групповые права»** рассматривается проблема политизации этнокультурного разнообразия. Этнокультурные группы требуют общественного признания их самобытности, а также свободу и возможность

сохранять и развивать свои отличительные культурные практики. Судьба и будущее этнической группы связаны с эффективностью защиты групповых прав. Рождение нации и национального государства привело к существованию национальных меньшинств, которые вместе с расовыми меньшинствами являются наиболее важными претендентами на групповые права.

Некоторые страны «многонациональны» (в результате колонизации, завоевания или создания конфедерации), другие «полиэтничны» (в результате иммиграции). Конечно, существуют и другие виды этнокультурного разнообразия. Многие группы не являются ни иммигрантами, ни национальными меньшинствами (например, афро—американцы; приглашенные работники из других стран). Выделение этих двух типов объясняется тем, что они являются наиболее распространенными в либеральной демократии. А также потому, что либеральные демократии обладают широким опытом в том, как приспособить эти формы разнообразия. И иммиграция и национальные меньшинства продолжают создавать множество конфликтов и проблем для либеральных демократий. Но мы также можем увидеть некоторые знакомые закономерности в том, как эти конфликты и проблемы решаются, и мы можем проследить очертания либерально—демократического подхода к правам этих культурных меньшинств.

В общем, все эти группы стремятся не только добиться равного обращения вне зависимости от их разницы с большинством, но поддерживать и развивать то, что они рассматривают в качестве отличительной культурной самобытности, часто через отдельные учреждения или юрисдикции. Для культурных меньшинств, которые стремятся не к временному признанию особого статуса, но желают его на постоянной основе, необходимо признание государством конкретных прав членов культурного меньшинства. Это объясняется тем, что некоторые теоретики считают, что общие права

гражданства не являются достаточными для удовлетворения всех форм этнокультурного разнообразия.

**Во втором параграфе второй главы «Проблема либерального равенства и универсального гражданства»** внимание сосредоточено на вопросе, как найти баланс между равенством различных групп и одновременно с этим не разрушить устоявшуюся структуру государства.

«Теория равенства, основывающаяся на человеческой однородности, – по мнению Б. Пареха, – является одновременно философски непоследовательной и морально проблематичной»<sup>54</sup>.

Конечно, человеческие существа обладают некоторыми общими потребностями и возможностями. Вместе с тем, различные культуры определяют и позволяют реализовывать подобные стремления по-разному. Так как человеческие существа одновременно и похожи, и различны, они должны рассматриваться одновременно с обеих точек зрения. Равенство предполагает равную свободу или возможность отличаться друг от друга. И отношение к людям в равной мере требует от нас учитывать как их сходства, так и их различия. Когда последние не рассматриваются как особо значимые, равенство не влечет за собой одинакового обращения. Равные права не означают одинаковых прав для людей с разными культурными традициями и потребностями.

По мнению теоретиков мультикультурализма, существует острая необходимость введения особых мер или наделения групповыми правами отдельных групп с той целью установления справедливого отношения к приверженцам различных религиозных верований и культурных практик. Основным аргументом здесь является то, что просто равное отношение в некоторых случаях само по себе является дискриминационным. Так как один закон может иметь разное влияние на людей исходя из их религиозных

---

<sup>54</sup> Parekh B. Contemporary liberal responses to diversity // Debates in contemporary political philosophy: An anthology / Ed. by D. Matravers, Pike J. Routledge, 2005. P. 243.



убеждений или культурных практик. И вследствие этого равное обращение порожденное системой единых законов является несправедливым.

Все более и более распространенным способом реагирования на проблемы, связанные с феноменом структурного неравенства является признание некоторых форм дифференцированного гражданства. Несмотря на провозглашенные либеральные устремления нейтральности, беспристрастности и подключение универсалистского подхода к разнообразию, доминирующей моделью «нормального» гражданина. Это, как правило, белокожий, гетеросексуальный, трудоспособный и патриотически-настроенный мужчина. Следовательно, исторически гражданство не было определено нейтрально, как часто утверждает либерально-демократическая риторика. Таким образом, идентичности женщин или чернокожих и иных групп, как правило, замалчиваются и исключаются из общественной сферы.

В итоге получается, что некоторым группам отдают предпочтение по сравнению с другими. Равенство требует нечто большего, чем приверженности не замечать различия. Такие аспекты, как пол, остались глубоко укоренёнными в ролях и позициях, определённых предвзятыми способами. Это приводит к глубоко неравным результатам для ряда групп, которые не могут быть отменены посредством простых законодательных актов по борьбе с дискриминацией. Требуется установление дифференцированных форм гражданства.

**В третьем параграфе второй главы «Коммуникация и представительство групп»** раскрыты потенциальные угрозы принципа равного гражданства и обозначены пути решения. Современная политическая теория утверждает равную моральную ценность всех лиц. Из этого вытекает то, что универсальность гражданства выходит за рамки особенностей и различий. То есть, независимо от экономического неравенства, различия социального статуса и объёма власти, гражданство дает каждому один и тот же статус в политическом сообществе. В теории универсального гражданства

равенство понимается как единообразие. Теперь, когда в либеральных капиталистических странах права равного гражданства были официально распространены на все группы населения, некоторые группы до сих пор ощущают себя ущемлёнными в правах. Почему же расширение обладателей равных гражданских прав не привело к социальной справедливости и равенству?

По мнению А.М. Янг, вместо политики универсального гражданства необходимо «дифференцированное гражданство и гетерогенная общественность»<sup>55</sup>. В гетерогенной общественности, различия публично признаны. Представительство группы является лучшим средством для продвижения справедливых результатов демократических процессов в принятии решений. Аргумент в пользу этого утверждения основывается на концепции коммуникативной этики Ю. Хабермаса. Единственным критерием справедливости политического действия или решения является то, что общественность пришла к нему через свободное выражение всех позиций и точек зрения. В своей формулировке коммуникативной этики Ю. Хабермас относится негативно к универсальной или беспристрастной точке зрения. Коммуникативная этика не просто формулирует гипотетическую общественность, но предлагает реальные условия, для способствовать справедливым результатам процессов принятия решений. А это означает, что необходимо содействовать созданию условий для выражения конкретных потребностей всех людей в их особенностях.

Основным средством защиты от негативного использования специальных прав является самоорганизация и представление этих групп. Если угнетенные и обездоленные группы могут обсуждать между собой, какие процедуры и действия лучше всего для их социального и политического

---

<sup>55</sup> Young I.M. Polity and group difference: A critique of the ideal of universal citizenship // Debates in contemporary political philosophy: An anthology / Ed. by D.Matavers, Pike J. Routledge, 2005. P. 223.

равенства, если они имеют институционализированное право вето на политические предложения, которые их непосредственно затрагивают, а также имеют доступ к механизмам, чтобы сделать свои суждения, известными широкой публике, политика наделяющая особыми правами сыграет положительную роль.

Важно понимать, что большинство моделей специфически группового представительства, как правило, не предлагаются в качестве общей теории политического представительства. Как и в случае позитивных действий, особое политическое представительство социальных меньшинств можно рассматривать в качестве меры, которая необходима временно. Структурные неравенства являются противными для демократии. Ведь на фоне групповой дискриминации стандартная концепция, основывающаяся на идеях формального равенства возможностей, не может выполнить, лежащих в основе нормативных обязательств, которые придают легитимность общественным решениям.

Во многих случаях, кроме того, создание политических институтов и процессов, которые в процессе принятия решений являются безразличными к социальным условиям, скорее всего, укрепят существующие модели доминирования. Подобные ограничения осложняют для членов подчиненных групп возможность оказывать влияние в общественной сфере и осуществлять свою политическую волю. Следовательно, и равенство возможностей и демократия становятся химерой, если государство не пытается достичь прорыва, а не только компенсировать иерархические несправедливости.

Конечно, можно было бы утверждать, что необходимость защиты социальных меньшинств может быть достигнута за счет менее противоречивых механизмов. Но важно подчеркнуть центральную идею, что специальное представление и аналогичные механизмы, в конечном счете оправданы в качестве временных ограничений для того, чтобы преодолеть

структурные несправедливости, а не в качестве постоянного элемента либеральных демократий.

### ГЛАВА 3. КОНЕПЦИИ ГРУППОВЫХ ПРАВ

В первом параграфе третьей главы «Коллективная и корпоративные концепции групповых прав» проводится сопоставление двух данных концепций и рассматривается вопрос о том, могут ли сообщества или организации обладать правами. Можно предположить, что у людей есть обязанности не разрушать прекрасные картины или здания, но большинство из нас не будет воспринимать их как обязанности, связанные с картинами и зданиями. Другими словами, мы вообще не придаем морального статуса живописи и зданиям (в отличие от их владельцев или других, которые заинтересованы в их дальнейшем существовании), и поэтому мы не приписываем права картинам и зданиям, хотя мы приписываем им ценность. Только существа, обладающие моральным статусом, могут обладать правами, которые, в свою очередь, являются источниками морального обязательства для других. Таким образом, для того, чтобы субъект обладал правом необходимо удостовериться, что он имеет моральный авторитет. Соответственно, если заходит вопрос о возможности существования групповых прав, необходимо определить, обладает ли группа моральным авторитетом как целое вне зависимости от её членов.

Это, в свою очередь, подразумевает концепцию групповых прав, совершенно отличную от коллективной концепции. Коллективная концепция не требует от нас морального отношения к группе отдельно от морального авторитета, которое мы приписываем своим членам отдельно. Право принадлежит членам группы только как группе, а необходимый моральный авторитет обеспечивается несколькими лицами, которые составляют группу, а

не группой в качестве субъекта. В коллективной концепции нет предположений о том, что группа имеет или может иметь моральное положение, которое каким-то образом отделено от и не полностью сводится к моральному статусу нескольких человек, которые составляют группу. Но в корпоративной концепции группа, обладает моральным авторитетом, и является единой целостной сущностью.

Это не означает, что корпоративная концепция несовместима с теорией прав интересов. Но интерес будет интерпретироваться по-разному. В корпоративной, он будет рассматриваться как интерес группы как единого субъекта, а не как совокупности отдельных, но идентичных интересов членов группы. Более того, в отличие от коллективной концепции, корпоративная не должна быть привязана к теории интересов. Без интересов, кажущихся ключевыми для коллективной концепции, трудно понять, что может оправдать появление группового права у людей в корпоративной концепции.

Но для корпоративной концепции такой кумулятивный фактор не требуется, поскольку в соответствии с этой концепцией, группа имеет уже существующую моральную идентичность. Следовательно, корпоративная концепция может использоваться наряду с другими теориями прав. Например, теорией выбора, которая идентифицировала бы права группы не в виде своих интересов, но со ссылкой на обязанности, которые должна выполнять группа, и над чьей деятельностью она может осуществлять контроль. Эти две концепции групповых прав представляют нам разные причины для обсуждения того, как претензии групп влияют на интересы людей.

В политическом плане одним из основных факторов, лежащих в основе утверждения прав, было стремление защитить уязвимых. В последние годы групповые права получили больше внимания. Отчасти это случилось потому, что они были востребованы меньшинствами, которые находятся в неблагоприятных или уязвимых отношениях с большинством сообщества.

Тем не менее, многие люди все еще смотрят на групповые права с недоверием. Они опасаются, что, когда мы приписываем права группам, мы передаем им право на угнетение отдельных лиц.

**Во втором параграфе третьей главы «Концепция групповых прав У. Кимлика»** анализируются механизмы для учета культурных различий. У. Кимлика различает три вида таких механизмов: права на самоуправление, полиэтнические права и специальные права представительства. Эта типология связана с первоначальным различием между этническими группами и национальными меньшинствами в целом. Философ предлагает, чтобы национальные меньшинства, включая коренные народы, могли законно требовать права самоуправления и специальные права на представительство. Напротив, этнические группы, как правило, требуют и должны получать полиэтнические права.

Во многих демократических странах озабоченность вызывает тот факт, что в политическом процессе не отражается многообразие граждан. Эта проблема не ограничивается культурными меньшинствами, но включает в себя любую маргинализованную или обездоленную группу, такую как инвалиды и некоторые религиозные меньшинства. Идея специального представительства заключается в том, что надлежащая доля мест в государственных органах должна резервироваться для членов находящихся в неблагоприятном или маргинальном положении групп. Специальные права представительства обычно оправдываются как ответ на системные недостатки в политическом процессе, который не позволяет эффективно представлять взгляды и интересы группы. В той степени, в которой эти права предназначены для компенсации недостатков, они рассматриваются как временная мера, поскольку устранение недостатков устраняет необходимость в этих правах. Поскольку претензии на самоуправление рассматриваются как неотъемлемые, так и меры специального представительства, которые вытекают из него, также рассматриваются как неотъемлемые.

**Во третьем параграфе третьей главы «Классификация групповых прав Н. Лернер и Я. Леви»** рассматриваются существенные элементы теории групповых прав в современных условиях, когда индивидуальные права человека преобладают над правами группы. По мнению Натана Лернера<sup>56</sup>, такая теория требует разработки рамок, в которых могут быть согласованы права государства, личности и группы. Н. Лернер предлагает пример подобной правовой системы, состоящей из трёх уровней. Первый уровень он обозначил как «законодательство государства»: это общая правовая основа, в которой все граждане являются субъектами, находящимися под юрисдикцией государства. Следующий уровень – это индивидуальные права человека. Они принадлежат всем гражданам государства и является частью национального законодательства, а также одобрены международным сообществом. Третий уровень представляет собой групповые права. Они обеспечиваются государством на основе прав, «присущих некоторым конкретным и четко определенным группам». Эти права находятся в настоящее время в процессе разработки и одобрения со стороны международного сообщества

Джейкоб Леви, профессор политической теории и политологии университета Макгилл, Канада, предлагает свою классификацию основных требований, которые выдвигают меньшинства с целью закрепления этих претензий в виде «групповых прав». Во-первых, освобождение от норм, запрещающих или ограничивающих определенные действия, которые являются составной частью культурных практик групп меньшинств. Вторую категорию культурных прав Дж. Леви обозначает как «помощь». В отличие от цели прав освобождения («которые стремятся позволить меньшинствам участвовать в практиках, отличных от культуры большинства»<sup>57</sup>), права на «помощь» ищут содействия «в преодолении препятствий для участия в общей

---

<sup>56</sup> Lerner N. Group rights and discrimination in international law // Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 1991. P. 196.

<sup>57</sup> Levy J. T. Classifying Cultural Rights // Ethnicity and Group Rights / Ed. by W. Kymlicka and I. Shapiro. New York: New York University Press, 1997. P.29.

практике»<sup>58</sup>. В категорию «самоуправления» Дж. Леви включает требования федерации, автономии или отделения, поднятого национальными меньшинствами и коренными народами в качестве наиболее заметных видов требований групповых прав. Ярлык «внешние правила» относится к претензиям прав, которые призваны ограничить свободу, индивидов, не являющихся членами и рассматривается как необходимое условие для сохранения культурного наследия. Пятая категория — «признание / исполнение» — относится к претензиям культурных сообществ, которые добиваются признания их традиционных правовых кодексов как действующего права. Даже при условии того, если последние вступают в противоречие с законами государства.

Очевидно, что каждая из этих категорий включает в себя определенный набор нормативных вопросов, которые имеют важное значение для выявления при анализе конкретных случаев. Тем не менее, цель исследования — сформулировать политологические основания для учета групповых прав, которые могли бы стать основой для изучения законности подобных требований.

---

<sup>58</sup> Ibid.



## Заключение

Социально–политическая ситуация начала XXI века отличается сложностью и гетерогенностью. Значительное число людей перемещается через границы, что делает практически каждую страну полиэтничной по составу. Все больше и больше национальных групп во всем мире мобилизуются и утверждают свою идентичность. В результате проблема «культурных различий» бросает вызов сложившимся правилам политической жизни во многих странах.

Теория прав человека придаёт особое значение индивидуализму. Прежде всего это проявляется в том факте, что отдельный человек мыслится как автономная единица. Исходя из этого, сообщество воспринимается как некоторая абстракция, которая необходима лишь для того, чтобы удовлетворить желания индивидов. Поэтому все виды коллективного права рассматриваются в либерализме как незначительные.

Права человека стали в некотором смысле святыней, и ко всем, кто пытается критиковать основания этой теории, относятся нетерпимо. Однако идея превосходства западной цивилизации в области провозглашения прав человека видится в значительной степени переоценённой. Тем более, возникающие альтернативные теории или ревизионистские теории в русле самого либерализма не стремятся прославлять деспотизм и варварство. Их цель предложить иные пути, которые, возможно, будут более справедливыми.

Либеральное мышление о правах меньшинств слишком часто обвинялось в этноцентрических притязаниях. Это находит отражение в широком диапазоне политики, которую либеральные государства исторически применяли в отношении этнических и национальных групп, начиная от принудительной ассимиляции и принудительной сегрегации до завоевания и колонизации. В результате во многих западных либеральных демократиях часто встречались

примеры дискриминации этнических и национальных меньшинств. Вследствие этого, нормативный комплекс прав человека не может предложить конструктивные решения для решения возникающих проблем в данном контексте. Универсальность прав человека и скрытая этноцентричность данной теории должны быть переосмыслены. А права человека должны быть подкреплены контекстуально–обусловленными групповыми правами.

Один из самых фундаментальных вопросов в процессе реализации прав человека выражается в отношениях между человеком и обществом, а также между человеком и рядом социальных групп, членом которых он является. Права человека – это, по сути, права отдельных лиц. Только статус человека, определенный в терминах прав человека, может защитить человека от угнетения группы или общества в целом. Но ни один человек не живет в вакууме, все принадлежат к более чем одной социальной группе и к обществу в целом. «Право на принадлежность» является важной особенностью реализации прав человека. «Полная реализация» прав человека, провозглашенная во Всеобщей декларации, требует тщательного согласования прав личности и социальных и культурных норм, существующих в соответствующих группах.

Безусловно, большинство демократических государств сегодня сталкиваются с серьезной проблемой: как обеспечить учет интересов национальных и этнических меньшинств при сохранении универсальной структуры прав личности, как это признано в конституции? У либеральной традиции есть серьезные трудности с этим вопросом. В связи с этим были проанализированы сильные и слабые стороны так называемого «толерантного подхода». По мнению его сторонников, эта модель позволяет учитывать интересы культурных меньшинств, не оспаривая господствующую концепцию прав человека как индивидуальных прав.

Однако, опираясь на вклад ряда политологов и философов в политическую теорию национализма, мультикультурализма и прав меньшинств, нейтральный подход был признан неудовлетворительным. Эта

позиция обосновывается тем, подобный подход был максимально эффективен в эпоху борьбы с феодализмом и религиозными войнами, в современных условиях, скорее усиливает угнетение культурных групп.

Права, основанные на групповой дифференциации, или права, которые основаны на членстве человека в определенной социальной или культурной группе, становятся все более распространенным и противоречивым аспектом современных либеральных правовых систем. В значительной степени, привлекательность дифференцированной формы гражданства заключается в том, что она обеспечивает более глубокое понимание взаимосвязи между конфликтами идентичности и структурными неравенствами. Эта форма гражданства сосредоточивается на обеспечении группы сознательными основами для преодоления результата дискриминации, принимая во внимание положение и социальный статус различных групповых идентичностей.

Однако, отношения между индивидуумом и его группой – будь то этническая, религиозная или расовая группа – неразборчивы, поскольку определены нечетко. Путаница исходит из абсолютного преобладания индивида во всем человечестве. Отсутствие четкого определения взаимосвязи между индивидуумом и его группой порождает аксиоматически преобладающее положение первого. Поэтому, необходимо обратиться к социальному и культурному анализу взаимной взаимозависимости личности и его сообщества.

Индивид и его группа или сообщество являются онтологически взаимозависимыми. Эта онтологическая взаимозависимость означает, что жизнь и судьба личности и сообщества неразрывно связаны между собой. Не может быть ни одного человека без группы или сообщества. Не может быть сообщества без людей, которые являются не только субъектами социальной и культурной жизни, но и носителями систем верований и ценностей сообщества. Но сообщество – это не только сумма лиц, которые его составляют. Это нечто большее потому, что его институты и традиционные ценности представляют

собой накопленный опыт и культурные сокровища прошлых поколений. Индивид и сообщество творчески взаимодействуют, они взаимно влияют на существование друг друга.

Человек является как физическим, так и психическим существом. Вследствие особенностей физиологии и социализации, не существует двух идентичных людей. То же самое относится к группе или сообществу. Каждая группа или сообщество являются уникальными из-за конкретной среды, в которой живут ее члены. Эта среда включает в себя культуру, передаваемую традициями и языком из поколения в поколение, а также общество, в котором обычаи и привычки формируют мир человека.

Западная культура «сакрализовала» человека, в ходе борьбы против сильно унифицированных социальных рамок средневековья, и в то же время подавила все, что казалось сдерживающим индивидуальную личность. Существенная роль группы в течение жизни человека исчезла. Символизм, убеждения, ценности и традиции его сообщества начали ослабевать или были настолько трансформированы, что их подлинный смысл полностью изменился.

В таком «атомизированном» обществе каждый человек, по-видимому полностью освобожденный от традиций и «культурных миров» своих общин, сталкивается только с государством. Фактически, человек лишается личности и становится пустым понятием, так как он отделялся от живого человека и вкладывался в теоретически сформулированные универсальные «предпочтения» или «интересы». Раскол между групповыми правами и индивидуальными правами человека является производным от современного развития.

В соответствии с представлением о человеке права человека не могут не применяться к отдельным лицам, а, скорее, к универсальному, поскольку абстрактно определенному индивидууму. Атомизированный человек стоит перед всемогущим государством. Нет посредничества между индивидуумом и единственным социальным институтом, с которым он сталкивается, поскольку

все группы или общины, которые могли бы взять на себя такую роль, были ликвидированы или лишены власти. Этим объясняется, почему права человека настолько необходимы, а также настолько неэффективны. Вследствие этого необходимо признать, что права группы необходимы.

Для решения всех проблематичных вопросов, связанных с теорией групповых прав культурных меньшинств не существует общеприменимых формул. Важнейшее значение для решения подобных проблем видится в постоянном ведении демократического диалога между всеми заинтересованными сторонами.

## Список использованных источников

### Нормативно–правовые акты

1. Декларация независимости: пер. с англ. О. А. Жидков, изд. Московского Университета. Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/indpndnc.htm> (дата обращения: 28.08.2017 ).

2. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Принята резолюцией 1514 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 года. URL: [http://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/declarations/colonial.shtml](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml) (дата обращения: 05.07.2017).

3. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. URL: [http://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/pactpol](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol) (дата обращения: 15.06.2017).

4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. URL: [http://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/pactecon.shtml](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml) (дата обращения: 27.07.2017 ).

5. Устав Организации Объединенных Наций. Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945. URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 20.07.2017).

### Научная литература и периодические издания

1. Baker J. Group rights // Toronto: University of Toronto Press, 1994. 217 р.

2. Barry B. Culture and Equality: An Egalitarian Critique of Multiculturalism. Harvard: Harvard University Press, 2002. p.399.
3. Barry B. Theories of group rights // Debates in contemporary political philosophy: An anthology / Ed. by D. Matravers, J. Pike. Routledge, 2003. p. 248–265.
4. Beckett C., Macey M. Race, gender and sexuality: The oppression of multiculturalism // Women's Studies International Forum. Vol. 24. 2001. No. 3.p. 309-316.
5. Bernard Williams, Ethics and the Limits of Philosophy // Taylor & Francis, 2011.296 p.
6. Bloom A. Justice: John Rawls vs. the tradition of political philosophy // American Political Science Review. Vol. 69. 1975. No.2. p. 648-662.
7. Brown C. Human rights and human nature // Human Rights: The Hard Questions, 2013. p.23–38.
8. Caste, N. J. Corporations and Rights // Journal of Value Inquiry, Vol. 26. 1992, No. 2. p.199–209.
9. Christian J., Steven L. Introduction: Multicultural Questions // Multicultural Questions / Ed. by C. Joppke and S. Lukes. Oxford: Oxford University Press, 1999. p.1–24.
10. Devaux M. Conflicting Equalities? Cultural Group Rights and Sex Equality // Political Studies. Vol. 48 2000 No.3. p. 522–539.
11. Eisenberg A. The limited resources of liberal multiculturalism: A response to Patrick Loobuyck // Ethnicities. Vol. 5. 2005.No. 1. p 123-127.
12. Etzioni A. Too Many Rights, Too Few Responsibilities // Toward a Global Civil Society / Ed. by M. Walzer. Providence: Berghahn, 1995. p. 99–105.
13. Fiss O. M. Affirmative action as a strategy of justice // Faculty Scholarship Series.Vol.17. 1997. p. 37-38.
14. Fiss O. M. Groups and the equal protection clause // Philosophy & Public Affairs. Vol. 5. 1976. No. 2. p. 107–177.
15. Fiss O.M. Affirmative action as a strategy of justice // Faculty Scholarship Series.Vol.17. 1997. pp. 37-38.
16. Fiss O.M. A Community of Equals. The Constitutional Protection of New Americans // Boston: Beacon Press, 1999. p. 107
17. Freeman M. Are there collective human rights? // Political Studies. Vol. 43. 1995. No. 1. P. 25-40.
18. Glendon M.A. Rights Talk. The Impoverishment of Political Discourse // New York: The Free Press,1991. p. 514.

19. Graff J. A. Human rights, peoples, and the right to self-determination // *Group Rights* / Ed. by J. Baker. University of Toronto Press, 1994. P. 186-214.
20. Grant G. *English-Speaking Justice* // Toronto: Anansi, 1974. p. 104
21. Green L. Internal minorities and their rights // *Group Rights* / Ed. by J. Baker. Toronto: University of Toronto Press, 1994. p. 257-272
22. Green L. Two views of collective rights // *The Canadian Journal of Law and Jurisprudence*. Vol. 4. 1991. No. 02. p. 315–327.
23. Griffin James. *On Human Rights* //Oxford: Oxford University Press, 2008. p. 360.
24. Hale C. R. Does multiculturalism menace? Governance, cultural rights and the politics of identity in Guatemala // *Journal of Latin American Studies*. Vol. 34. 2002. No. 03. p. 485–524;
25. Hartney M. Some confusions concerning collective rights // *The Canadian Journal of Law and Jurisprudence*. Vol. 4. 1991. No 02. p. 293–314;
26. Harvey C. *Human rights in the community: Rights as agents for change* // London: Bloomsbury Publishing, 2005.p. 253.
27. Haylett C. Illegitimate Subjects?: Abject Whites, Neoliberal Modernisation, and Middle-Class Multiculturalism // *Environment and planning D: Society and Space*. Vol. 19. 2001. No. 3. P. 351-370.
28. Jones P. 5 Groups and human rights // *Human rights: the hard questions* / Ed. by C. Holder, D. Reidy. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. p. 100–115.
29. Jovanović M. A. *Collective rights: a legal theory*// Cambridge University Press, 2012. p. 230.
30. Kent A. *China, the United Nations and Human Rights: The Limits of Compliance*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1999. p. 336.
31. Kukathas C. Are there any cultural rights? // *Political theory*. Vol. 20. 1992. No. 1. p. 105–139.
32. Kymlicka W. *Liberalism, Community and Culture* // Clarendon Press, 1991. p.280.
33. Kymlicka W. *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights* // Oxford: Oxford University Press, 1995. p.296.
34. Kymlicka W. *Nationalism, Multiculturalism and Citizenship* // Oxford: Oxford University Press, 2001. p. 429.
35. Kymlicka W. Shapiro I. Introduction // *Ethnicity and Group Rights* / Ed. by W. Kymlicka and I. Shapiro. New York: New York University Press, 1997. p. 3-21.



36. Kymlicka W. States, nations and cultures // Uitgeverij Van Gorcum, 1997. p. 72.
37. Kymlicka W. The rights of minority cultures // Oxford: Oxford University Press, 1995. p.290.
38. Kymlicka, W. Politics in the Vernacular. Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship // Oxford: Oxford University Press, 2001. p. 122.
39. Larson A. M. Forests for people: Community rights and forest tenure reform. Earthscan, 2010. p. 264.
40. Lerner N. Group rights and discrimination in international law // Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 1991. p. 196.
41. Lessnoff M.H. Social contract // NJ: Humanities Press International, 1986. 178 p.
42. Levy J. T. Classifying Cultural Rights // Ethnicity and Group Rights / Ed. by W. Kymlicka and I. Shapiro. New York: New York University Press, 1997. P.22-26.
43. Loobuyck P. Liberal multiculturalism: A defence of liberal multicultural measures without minority rights // Ethnicities. Vol. 5. 2005. No. 1. P.108-135.
44. MacIntyre A. After Virtue: A Study in Moral Theory // Indiana.: University of Notre Dame Press, 1984. 352 p.
45. MacIntyre A. C. Whose justice? Which rationality? // London : Duckworth, 1988. 345 p.
46. Margalit A. Review of Raz's Ethics in the Public Domain: Essays in the Morality of Law and Politics // The Journal of Philosophy. Vol. 16. 1998. No.2. P. 97–104.
47. Martin R. Are human rights universal // HUMAN rights: the hard questions. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 59–75.
48. Matravers D., Pike J. Debates in contemporary political philosophy: An anthology // London: Routledge, 2005. 242 p.
49. May L. The Morality of Groups: Collective Responsibility, Group-Based Harm, and Corporate Rights // Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1987.
50. Michael J. Sandel, Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. p. 231.
51. Mitnick E. J. Rights, groups, and self-invention: group-differentiated rights in liberal theory // Ashgate Publishing, 2013. p. 232.
52. Narveson J. Collective rights? // Canadian Journal of Law & Jurisprudence. Vol. 4. 1991. № 2. P. 334.

53. Nash C. Cultural geography: anti-racist geographies // Progress in Human Geography. Vol. 27. 2003.No. 5. P. 639.
54. Okin S. M. Mistresses of their Own Destiny: Group Rights, Gender and the Realistic Rights of Exit // Ethics. Vol. 112. 2002. No. 2. P. 205–230.
55. Parekh B. Contemporary liberal responses to diversity // Debates in contemporary political philosophy: An anthology / Ed. by D. Matravers, J. Pike. Routledge, 2003. P. 239–248.
56. Parekh B. Equality in a Multiracial Society // Equality / Ed. by J. Franklin. London: Institute for Public Policy Research, 1997. P. 150.
57. Parekh B. Rethinking multiculturalism: Cultural diversity and political theory // Ethnicities. Vol. 1. 2001. No.1. p.109–115.
58. Raz J. Ethics in the Public Domain // Oxford: Clarendon Press, 1994. p. 380.
59. Raz J. Human Rights without Foundations// The Philosophy of International Law / Ed. by S.Besson and J.Tasioulas. Oxford: Oxford University Press, 2010. p. 321–338.
60. Raz J. Rights and Politics // Indiana Law Journal. Vol. 71. 1995. P.27–44.
61. Raz J. The Morality of Freedom // Oxford: Clarendon Press, 1986. 434 p.
62. Réaume D. Individuals, groups, and rights to public goods // The University of Toronto Law Journal. Vol. 38. 1988. No. 1. P. 10.
63. Réaume D. The Group Right to Linguistic Security: Whose Right, What Duties? // Group Rights / Ed. by J. Baker. Toronto: Toronto University Press, 1994. p. 118–141.
64. Renteln A. D. Relativism and the search for human rights // American Anthropologist. Vol. 90. 1988. No. 1. p. 56–72.
65. Roth K. Defending economic, social and cultural rights: Practical issues faced by an international human rights organization // Human Rights Quarterly. Vol. 26. 2004. No. 1. p. 63–73.
66. Sandel M. J. Liberalism and the Limits of Justice // Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 231 p.
67. Sanders D. Collective rights // Human Rights Quarterly Vol. 13. 1991. P. P. 365-370
68. Tamir Y. Against Collective Rights // Multicultural Questions / Ed. by C. Joppke and S. Lukes. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 158–180;
69. Taylor C. A secular age// Harvard University Press, 2007. p. 888

70. Taylor C. Atomism // Philosophy and the Human Sciences: Philosophical Papers. Vol. 2. 1985. P. 187–211.
71. Taylor C. Interpretation and the sciences of man // The review of metaphysics. Vol. 25. 1971. No. 1. P. 21.
72. Taylor C. Sources of the self: The making of the modern identity // Harvard University Press, 1989. p. 601.
73. Taylor Ch. Atomism // Philosophy and the Human Sciences: Philosophical Papers. Vol. 2. 1985. P. 187–211.
74. Taylor Ch. Interpretation and the Sciences of Man // Philosophical Papers / Cambridge: Cambridge University Press. Vol. 2. 1985. P. 15-57.
75. Thompson J. Can Groups have Human Rights? // Ethical Perspectives. Vol. 22. 2015. No. 2. P. 291–313.
76. Torbisco C.N., Group Rights as Human Rights: a Liberal Approach to Multiculturalism // Dordrecht: Kluwer, 2006. 263 p.
77. Van Dyke Vol. The Individual, the State, and Ethnic Communities in Political Theory // World Politics. Vol. 29. 1977. No.3. P.341–369.
78. Vincent A. Can Groups be Persons? // Review of Metaphysics. Vol. 42. 1989. No. 44. P. 687–715.
79. Waldron J. Liberal Rights // Cambridge: Cambridge University Press, 1993.480 p.
80. Waldron J. Nonsense Upon Stilts (Routledge Revivals): Bentham, Burke and Marx on the Rights of Man. Routledge, 1987. 246 p.
81. Waldron J. Taking Group Rights Carefully // Litigating Rights: Perspectives from Domestic and International Law / Ed. by G. Huscroft and P. Rishworth. Oxford: Hart, 2002. P. 203–220.
82. Walker N. Universalism and particularism in human rights // Human Rights: The Hard Questions, 2013. P. 399–417.
83. Wall Ed. Problems with the Group Rights Thesis // American Philosophy Quarterly. Vol. 40. 2003. N. 4. P. 269–285.
84. Wall Ed. The Problem of Group Agency // Philosophical Forum. Vol. 31. 2000. No. 2. P.187–197.
85. Wall S. Collective Rights and Individual Autonomy // Ethics. Vol. 117. 2007. No. 2. P. 234–264.
86. Wellman C. H. Liberalism, Communitarianism, and Group Rights // Law and Philosophy. Vol. 18. 1999. No. 1. P. 13–40.
87. Wellman C. Real Rights // Oxford: Oxford University Press, 1995. 453 p.

88. Williams B. *Ethics and the Limits of Philosophy* // Taylor & Francis, 2011. 285 p.
89. Wolff R. P. *Understanding Rawls: A Reconstruction and Critique of 'A Theory of Justice'* // Peter Smith, 1977. 245 p.
90. Young I.M. *Polity and group difference: a critique of the ideal of universal citizenship* // *Debates in contemporary political philosophy: An anthology* / Ed. by D. Matravers, J. Pike. Routledge, 2003. P. 219-239.
91. Алексеева Т. А. Джон Роулс и его теория справедливости // *Вопросы философии*. 1994. Т. 410. С. 3–28.
92. Бенуа А. *По ту сторону прав человека. В защиту свобод*. М.: НОН, 2015. 144 с.
93. Бенхабиб С. *Притязание культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру* : пер. с англ. / под ред. В. И. Иноземцева. М.: Логос, 2003. 289 с.
94. Глушкова С. И. *Индивидуальные, групповые, коллективные и всеобщие права в условиях мультикультурализма* // *Полис*. 2010. №. 6. С. 131-140.
95. Дубровский Д. В. *Индивидуальные и коллективные права: противоречия практики* // *Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире* // СПб.: Норма. 2005. С. 20-27.
96. Егоров О.Е. *Коллективные права и самоопределение // Право народов на самоопределение: идея и воплощение* М. 1997. 222 с.
97. Капоторти Ф. *Исследование по вопросу о правах лиц, принадлежащих к этническим, религиозным и языковым меньшинствам*. Нью-Йорк: ООН. 1979. С. 109–110.
98. Катко Н.С. *Коллективные права меньшинств* // *Белорусский журнал международного права и международных отношений*, 2003. № 4. С. 3-7.
99. Линдхольм Т. С. *"Законны ли и осуществимы ли" коллективные права человека" для меньшинств* // *Ленинградская конференция по правам меньшинств: Доклады и сообщения*. 1991. С. 95-96.
100. Литвиненко Н.Д. *Концепция справедливости Джона Ролза* // *Философско-литературный журнал Логос*. 2006. №. 1. 26-34 с.
101. Локк Дж. *Два трактата о правлении* // Локк Дж. *Сочинения*: в 3 т. Т. 3. М., 1985. 317 с.
102. Майборода Э. Т. *Коллективные права как основание этносубъектности/Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире/Под ред. О.Ю Малиновой и А.Ю Сунгурова* //СПб.: Норма.

2005.

URL:

[http://www.rapn.ru/in.php?part=in&gr=76&d=181&n=35&p=0&to=research\\_bodies](http://www.rapn.ru/in.php?part=in&gr=76&d=181&n=35&p=0&to=research_bodies)

(дата обращения: 23.06.17)

103. Майборода Э. Т. Этническая идентичность в концепциях коллективных прав человека // Вектор идентичности на постсоветском пространстве / Эт Майбора. – Ростов/н/Д. 2007. 147-162 с.

104. Макеева Л. Б. Философия эгалитарного либерализма в США: Джон Ролз и Рональд Дворкин // История философии. 2005. №. 12. р. 46-61.

105. Напсо М.Б. Права народов и права человека: к вопросу о правомерности конституционного закрепления коллективных и индивидуальных этнических прав // Конституционное и муниципальное право, 2009. №. 10. С. 10-12.

106. Ролз Д. Теория справедливости // Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. 532 с.

107. Румянцева Н. Л. Историческая эволюция индивидуализма и коллективизма как базовых ценностей человека и социума // Историческая и социально-образовательная мысль. №. 1.2012. с. 190-193.

108. Соколовский С. В. Права меньшинств: антропологические, социологические и международно-правовые аспекты // М.: Московский общественный научный фонд. – 1997. 217 с.

109. Торохова Ю. С. Анализ эффективности «политики признания» Ч. Тейлора как возможной стратегии для решения современных этнокультурных конфликтов // Социодинамика. 2017. № 3. с. 118–124 .

110. Торохова Ю. С. Гражданское неповиновение как стратегия борьбы за права: преимущества и угрозы // Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам I междунар. науч.-практ. конф. № 1(1). М.: МЦНО, 2016. с. 37–45.

111. Торохова Ю. С. Групповые права культурных меньшинств как базовые права в контексте либерализма в работах У. Кимлика // Социодинамика. 2017. № 1. с. 27–33.

112. Торохова Ю. С. Поиск нового подхода к решению конфликта групповых прав и прав меньшинств внутри меньшинств // Политика и общество. 2017. № 4. с. 89–95.

113. Торохова Ю. С. Право на самоопределение этнических меньшинств: угроза государственной целостности или основа благосостояния государства // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории: сб. ст. по материалам LVI Международной научно-

практической конференции «Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории». № 11(51). М.: Интернаука, 2016. с.71–76.

114. Торохова Ю. С. Реализация защиты прав этнических меньшинств в контексте теории групповых прав // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования: сборник материалов XV Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск: ЦРНС, 2016. с.179–184.

115. Устинкин С. В., Миронов Р. В. Современная концепция справедливости в полемике Джона Роулса и Юргена Хабермаса // Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. 2009. №. 4. с. 255-259.

116. Федосенко В.А. Коллективные права: понятие, сущность, правовая природа, содержание и перспективы развития // Гражданское Право. 2004. №. 2. С. 6-7.

117. Хайек Ф. Индивидуализм истинный и ложный // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000. 388 с.